

**Опыт изучения проекции внутренних конфликтов у детей
среднего школьного возраста.**

Поводом для написания данной работы послужил анализ результатов исследования, проведенного с помощью теста-фильма Р. Жилия [1, с.50], в результате которого внимание привлек ряд ответов, нехарактерных для выборки, свидетельствующих как нам кажется, о существовании неблагополучия в жизни ребенка.

Исследование проводилось в пятом классе (возраст детей 11-12 лет). Заинтересовавшие нас ответы заключались в следующем: в предложенных учебных или иных познавательных ситуациях с заранее заданной фигурой учителя, взрослого, ребенок изображает себя в непосредственной близости от него. Как вариант такой ситуации можно особо отметить картину с изображением людей, сидящих за длинным столом, один человек сидит во главе стола. Дети помечали единственную тянущую руку фигурку. Причем, фигурку изображенную во главе стола они идентифицировали с учителем. По данным ответам можно, очевидно, предположить о достаточно высоком уровне притязаний на статус в группе (в данном случае в классе). Что, как нам кажется, подтверждается тем, что на вопрос о том, смогут ли они управлять классом в отсутствие учителя, дети ответили утвердительно.

Но вот странно: в ситуациях, изображающих группу людей на отдыхе, детьми отмечается фигурка человека, задумчиво сидящая в стороне от основной группы людей, как бы в уединении. Подобный выбор повторялся на нескольких картинках подряд. Еще раз подчеркнем, что подобное сочетание ответов не характерно, более того, исключительно в данном классе. Причем наше двухгодичное наблюдение за поведением в рамках реальных ситуаций детей, ответивших подобным образом, не подтверждает такой аутизации. Иначе говоря, эти дети в большинстве случаев, ведут себя достаточно конформно, проявляя высокую активность, легко и охотно вступают в контакт со сверстниками; аутичности в реальном поведении этих детей нами замечено не было. Не отражают ли эти неожиданные ответы существования внутреннего конфликта, внешне ребенком не проявляемого?

Обратимся к примерам:

Юля, 11 лет, хорошо учиться, общительна, подвижна, любит отвечать на уроках, охотно выполняет поручение учителей. Семья девочки: мать, отец, брат (2 года). Из беседы с девочкой выяснилось, что раньше вся семья ночевала в одной комнате. Позже, когда жилищные условия несколько изменились, у Юли появилась своя комната, а брат так и остался в комнате у родителей, к чему не совсем положительно отнеслась девочка. Выяснилась также негативная реакция Юли к своему брату, как следствие некоторой «несправедливости» со стороны родителей. В частности имели место случаи наказания Юли за поступки брата: оставаясь дома вдвоем с братом девочка «не уследила, как тот разбил чашку из дорогого сервиза», в другой раз брат сломал настольную лампу и т.д.

На картинках теста с изображением семьи, как группы людей на отдыхе, Юля помещает себя в стороне, объясняя это желанием быть одной, не вступая в разговор с родителями.

С рождением второго ребенка в семье происходит «перераспределение» родительского внимания между детьми. Непонимание родителями изменившейся ситуации и как следствие – неадекватное решение возникающих проблем может быть негативно воспринято первым ребенком, ощущающим уменьшение внимания к себе.

Идентифицирование себя с одиноко сидящим человеком в ситуационной картинке «Люди на прогулке», с незадаанными фигурками родителей и учителя (такие ситуации были названы детьми «я с классом на отдыхе»), у девочки обусловлено, по-видимому, следующим. Год назад (4 класс) Юля занимала в классе место аутсайдера. В этом году девочка, чувствует себя достаточно подготовленной для роли лидера или члена лидерской группы (что подтверждается утвердительным ответом на вопрос: «Сможешь ли ты управлять классом в отсутствии учителя?»), т.е. для Юли лидерский статус стал в этом году значимым. Однако, девочки из «лидерского состава» не принимают и не хотят принять Юлю в качестве полноправного члена их группы (причина такого неприятия – предмет обсуждения не этой работы), и хотя Юля иной раз добивается некоторого признания с их стороны (играет и ходит с ними на переменах), но всякий раз «выталкивается» ими, что выражается в частых

столкновениях, заканчивается для девочки слезами. Затем опять начинается приближение и вхождение в группу лидеров и опять Юля оттуда «вылет».

Эти многократные неудачи, по всей видимости, дают почувствовать ребенку, что «что-то не так», порождают фрустрационную реакцию, какую, возможно, и снят тест, как аутизацию себя ребенком от остальной группы людей.

Следующий пример:

Александр, 11 лет, один из лучших учеников в классе, подвижен, общителен, с удовольствием общается с незнакомыми взрослыми людьми, признан учителями, активен в различных классных мероприятиях, увлеченно занимается спортом. В прошлом учебном году (4 класс) Саша занимал явное лидирующее положение. В этом году ситуация несколько изменилась, произошел как бы «размыв» класса: некоторые подростки стали более самостоятельны, часть детей объединилась в свои маленькие группы, есть ребята, сами претендующие на роль лидера. В таком «сгруппированном» классе статус, занимаемый Сашей, не характеризуется уже такой ясностью, ребенок не встречает достаточного подтверждения занимаемому положению. Статус лидера для него стал значимым, но в отличие от приведенного выше примера с Юлей, к чувству тревоги за статус лидера Саша не «поднялся» (как Юля), а «спустился» с ранее прочного лидерского места. Этим, по-видимому и объясняется его стремление отдалить себя от сверстников, как он это делал в ситуациях, предложенных тестом. Заметим, опять же, что внешне его поведение ничем не указывает на существование внутреннего конфликта.

Таким образом, можно предположить, что с помощью подобных проективных методик возможна индикация некоторых проблем ребенка, никак не проявляющихся в поведении, но тем не менее наличествующих, а, следовательно, заслуживающих внимание психолога. Кроме того, существующие проблемы анализируются через ситуации предложенные тестом-фильмом Жилия.